

Карабчевский Николай Платонович

Около правосудия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Платонович К.**
Около правосудия / Карабчевский Николай Платонович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 540 с.

ISBN 978-5-519-88154-8

ISBN 978-5-519-88154-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Какъ я сталъ адвокатомъ.

Черноволосый красавецъ П--нъ, мой товарищъ по университетскому выпуску, давно уже успѣлъ приписаться помощникомъ „къ самому“ Спасовичу, поселился на Литейной и съ огромнымъ, окованнымъ по угламъ мѣдью, портфелемъ (невѣдомо чѣмъ набитымъ, но набитымъ очень туго) каждый день исправно „козырялъ“ въ „Зданіе судебныхъ установленій“, сильно налегая на каблукъ и живописно размахивая, по своей привычкѣ, правою свободною рукою.

Я все еще оставался „не у дѣлъ“, хотя со времени выпуска прошло уже лѣто, была осень и надвигался ноябрь. Я медлилъ принять то или другое рѣшеніе относительно своей дальнѣйшей судьбы. Меня томило не то раздумье, не то смущалъ какой-то страхъ. „Неужели такъ-таки и покончить навсегда со своей свободою, съ сладкимъ сознаніемъ, что ничто еще не рѣшено, что выборъ еще не сдѣланъ и что можно повернуть еще въ сторону?“

„Но въ какую?“—въ этомъ и былъ мучительный, гамлетовскій вопросъ.

Одно было для меня ясно, что на государственную службу я не поступлю. Какъ юристу мнѣ могла предстоять лишь судебная карьера, а незадолго передъ тѣмъ въ университетѣ было вывѣщено объявленіе о томъ, что лица, желающія поступить на службу по

министерству юстиціи, должны имѣть отъ университета особое удостовѣреніе о своей неподсудности университетскому суду и вообще о своей благонадежности.

Будучи еще на первомъ курсѣ естественнаго факультета въ С.-ПБ. университетѣ въ 1869 году, я за участіе въ „университетскихъ безпорядкахъ“ былъ судимъ въ числѣ другихъ студентовъ университетскимъ судомъ (блаженной памяти!) и „по молодости лѣтъ“,—какъ пояснилъ мнѣ тогда же предсѣдатель этого суда, почтеннѣйшій И. Е. Андреевскій,—отбылъ лишь трехнедѣльный арестъ въ самомъ зданіи университета. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому событію, удостовѣренія о своей благонадежности я не могъ бы получить.

Но меня и не тянуло на государственную службу. Мысль о томъ, что и я для чего-то могу быть „тамъ“ нуженъ, казалась мнѣ попросту праздною и фантастичною. Государственная служба мнѣ всегда представлялась чѣмъ-то, разъ и навсегда „по штату“ уже заполненнымъ, куда можно только „сверхъ комплекта“ протиснуться, но никакъ нельзя войти ни по праву, требуя мѣста, ни по призванію.

Было и еще одно очень бѣдственное и печальное событіе личнаго свойства въ моей жизни также въ пору студенчества, о которомъ совершенно не мѣсто здѣсь говорить, но которое навсегда отвращало меня отъ мысли о судебной карьерѣ. Быть можетъ, это были больныя односторонне-мрачныя впечатлѣнія повышенной юношеской воспріимчивости, но они навсегда оставили глубокій слѣдъ въ моемъ мозгу, и я, безъ нѣкотораго тайнаго ужаса и унынія, не могъ никогда вообразить себя ни судебнымъ слѣдователемъ, ни прокуроромъ, имѣющимъ власть и обязанность „зачотать“ кого и куда слѣдуетъ.

Но я отвлекся нѣсколько въ сторону.

Итакъ, черноволосый красавецъ П—нъ (настоящій красавецъ, съ прекрасными вьющимися волосами, съ живой и экспансивной манерой прирожденнаго, хотя и нѣсколько аффектированнаго оратора) не только имѣлъ уже на своихъ дверяхъ ярко-отчищенную мѣдную доску, сіявшую всѣми своими чарующими буквами: „помощникъ присяжнаго повѣреннаго“, не только не уставалъ носить каждый день въ судъ свой туго-набитый портфель, но, какъ мнѣ говорили, имѣлъ уже „дѣла“ въ судѣ, выступалъ какъ уголовный защитникъ и не только „оправдалъ“ кого-то, но даже достигъ того, что этотъ оправдательный приговоръ былъ встрѣченъ единодушными рукоплесканіями публики, переполнившей залу судебного засѣданія.

Объ этомъ, не безъ зависти, я самъ прочелъ тогда же въ столичномъ „Листкѣ“.

Благодаря именно этимъ быстрымъ удачамъ П—на, я инстинктивно избѣгалъ его. Словно я тогда уже предчувствовалъ, что дѣло безъ него для меня никакъ не обойдется и что моя съ нимъ встрѣча будетъ непременно для меня „роковой“. Такъ въ дѣйствительности это скоро и случилось. Но пока еще съ печатью непризнаннаго генія на челѣ, не соглашаясь ни за что и никому „продать“ своей свободы, я сознавалъ себя выше всей этой адвокатской сутолоки и дешевыхъ лавровъ столичнаго „Листка“.

На адвокатуру во время своего студенчества я глядѣлъ свысока. Она представлялась мнѣ не чуждой нѣкотораго суетливаго сутяжничества и я считалъ ее мало подходящей для моей натуры, склонной болѣе, какъ мнѣ представлялось тогда, къ мечтательному созерцанію окружающей жизни, нежели къ энергичной будничной дѣятельности.

Къ тому же, въ то время я былъ весь поглощенъ ожиданіемъ одного очень важнаго для меня „событія“, отъ котораго, какъ я думалъ, зависѣла вся моя дальнѣйшая судьба. Я тоже (по примѣру П—на, котораго иногда и видѣлъ издали) „козырялъ“ теперь нерѣдко по Литейной, но только за другимъ дѣломъ.

Незадолго передъ тѣмъ я отправилъ въ редакцію (ни болѣе, ни менѣе!) „Отечественныхъ Записокъ“ только что написанную мною весьма жестокою и, какъ понимаю теперь, довольно нелѣпую пятиактную драму, которая называлась „Жертва брака“. Въ ней были выставлены въ ужасномъ свѣтѣ „брачные оковы“ и вообще разрушалась семья. Съ затаеннымъ трепетомъ я ждалъ, что она непременно появится (и притомъ въ ближайшемъ номерѣ) на страницахъ (не пугайтесь читатели!) „высокоуважаемаго журнала“.

Больше мѣсяца, стыдясь и волнуясь, я каждый понедѣльникъ вползалъ какъ-то бокомъ, словно крадучись, въ редакцію „высокоуважаемаго журнала“ — за отвѣтомъ. Иногда,—о счастье!—отъ „самого“ Некрасова или же отъ „самого“ Салтыкова я выслушивалъ отрывистые и даже нѣсколько какъ-бы грубоватые, похожіе на окрики, отвѣты (наполнявшіе, однако, мое сердце лучезарной надеждой!), что, молъ, рукопись еще не прочитана и надо притти еще черезъ двѣ недѣли.

Драма, вѣроятно, очень тщательно читалась и перечитывалась; быть можетъ, твореніе мое обсуждалось даже всей редакціей сообща ранѣе, чѣмъ произвести меня въ литературные геніи,—во всякомъ случаѣ,—я что-то ужъ очень долго ходилъ за нею.

Теперь я соображаю, что можетъ быть, она попросту „завалилась“ гдѣ-нибудь въ редакціи, какъ можетъ „завалиться“ иногда и у адвоката оставленный

кліентомъ для прочтенія скучный „документъ“ или „исповѣдь“; но тогда я еще не былъ адвокатомъ.

Кончилось тѣмъ, что, наконецъ, мнѣ „ее“, т. е. „рукопись“, возвратили. На ней была и какая-то редакціонная помѣта. Можетъ быть то была простая надпись: „не принята“, а можетъ быть какое-нибудь еще болѣе позорное клеймо отверженія. Навѣрное я этого не знаю, знаю только, что возвратившись домой, я тотчасъ же густо замазалъ чернилами эту непрошеную помѣту, — „чтобы глаза мои не глядѣли!“

Душевное состояніе мое превратилось разомъ въ очень подавленное и удрученное. Чтобы покончить съ нимъ я тутъ-же порѣшилъ: поставить крестъ на ихъ художественно-литературныхъ затѣяхъ. Карьера писателя захлопывалась, очевидно, для меня навсегда. „Или на страницахъ „высокоуважаемаго журнала“ или нигдѣ!“

Выходило—„нигдѣ!“

И ни въ одну редакцію со своею „Жертвою брака“ я болѣе не толкнулся...

Сторонясь отъ П—на и нѣкоторыхъ другихъ товарищей—удачниковъ, успѣвшихъ какъ-то мигомъ пристроить себя, кто куда, но „къ дѣлу“, я особенно дорожилъ въ это время обществомъ двухъ товарищей, все еще, какъ и я, „фантазировавшихъ“ относительно своего будущаго.

Одинъ, Б—къ, блистательно окончившій университетскій курсъ, заработавшій и золотую медаль за сочиненіе, замышлялъ остаться при университетѣ по кааедрѣ государственнаго права. Но онъ какъ-то не поладилъ съ профессоромъ, и тотъ настойчиво рекомендовалъ ему принять мѣсто „лектора“ въ Варшавскомъ университетѣ и затѣмъ уже сдать экзаменъ на магистра и защититъ диссертацию. Б—ку же хотѣлось непременно остаться въ

Петербургъ. Такъ какъ это „не вытанцовывалось“, то онъ считалъ профессора несправедливымъ и утверждалъ, что при немъ остаются только „любимчики“. Это дѣлало Б—ка раздражительнымъ, почти больнымъ, и онъ, не рѣшая своего отъѣзда, каждый день ходилъ „объясняться“ съ профессоромъ.

Все остальное время у Б—ка, такъ же какъ и у меня, было свободнымъ, и мы съ нимъ и еще съ однимъ товарищемъ А—ымъ, также случайно застрявшемъ въ Петербургъ въ ожиданіи обѣщаннаго мѣста судебного слѣдователя въ провинціи, часто сходились и проводили вмѣстѣ время.

Можетъ быть именно потому, что всѣ трое мы въ глубинѣ души чувствовали себя очень неудовлетворенными своимъ настоящимъ, мы много толковали о будущемъ и, обходя молчаніемъ прозу жизни, старались бесѣдовать только о предметахъ общихъ и возвышенныхъ.

Б—къ, увлекавшійся въ то время Лоренсомъ Штейномъ и его теорію государственности, страдая легкимъ заиканіемъ, и потому безконечно растягивавшій свои длинныя фразы, вразумительно и не безъ оттѣнка торжественности все силился убѣдить насъ, что каждый изъ насъ въ сущности: не болѣе, какъ „ноготь“ въ государственномъ организмѣ, ноготь, который поэтому можно стричь и обламывать невозбранно и безнаказанно...

Это не мѣшало ему очень злиться на профессора за то, что тотъ вздумалъ по своему „обламывать“ его судьбу.

А—въ, милый, скромный, человѣкъ, зарабатывавшій пока свое существованіе тѣмъ, что за малую плату составлялъ для одного знакомаго ему товарища прокуро-

ра, ведшаго разсѣянный образъ жизни, обвинительные акты и заключенія о прекращеніи слѣдствій, не могъ равнодушно слушать этихъ, какъ онъ выражался „хирургическихъ теорій господина Штейна“. Когда А—въ горячился, то бывалъ остроуменъ и находчивъ. У него въ запасъ имѣлось одно соображеніе, противъ котораго даже у Б—ка не находилось возраженія.

— Да развѣ живой организмъ-то весь изъ однихъ ногтей состоитъ?.. Дайте-ка, я васъ по живому мясу начну рѣзать, небось закричите!

Я чувствовалъ себя хорошо и легко въ этой компаніи, тѣмъ болѣе, что оба мои пріятели только смутно догадывались о моихъ литературныхъ затѣяхъ, такъ какъ иногда заставляли меня за писаніемъ, но изъ деликатности ни о чемъ не спрашивали.

Мы чуть-ли не ежедневно сходились за обѣдомъ у Мильбрета въ Кирпичномъ переулкѣ, и потомъ не спѣша совершали прогулки по Морской и по Невскому вплоть до вечерняго чая, который нерѣдко пили поочередно у кого-либо изъ компаніи.

Такое отчасти философское препровожденіе времени очень насъ сблизило и понемногу начинало втягивать. Было что-то неизъяснимо-сладостное въ сознаніи, что спѣшить собственно некуда, и что „жизнь для жизни намъ дана“.

Однако, разнаго рода житейскія прорѣхи нѣтъ, нѣтъ и давали себя чувствовать. Мы нерѣдко кредитовались другъ у друга, причѣмъ случалось и такъ, что вдругъ ни у одного изъ трехъ не оказывалось ничего, или почти ничего въ карманѣ. Тогда мы ссужали другъ друга мильбретовскими марками и продолжали философствовать.

Смутно чувствовалось, однако, что долго такъ не

можетъ продолжаться. Всѣ трое мы были матеріально совершенно необезпечены. Въ послѣднее время все чаще и чаще въ нашихъ разговорахъ мы стали проявлять интересъ къ судьбѣ остальныхъ нашихъ товарищей по выпуску: Н., К., В., Ц. Оказывалось, что всѣ уже понемножку втягивались въ лямку, устраивали свою судьбу. Только мы трое, по выраженію А—ва, все еще по „меблировкамъ“ и „милдбrettiшкамъ“ разнаго вида катарры себѣ нагуливали.

Тотъ-же милѣйшій А—въ, одинъ обвинительный актъ фабрикаціи котораго успѣлъ уже, по словамъ его, „раскатать“ въ своей защитѣ П—нъ, безъ малѣйшаго раздраженія, но лишь какъ-бы констатируя или про-рицаая несомнѣнный будущій фактъ, утверждалъ, что „молодчина П—нъ скоро и на рыскахъ заѣздитъ“.

Но особенно насъ отрезвила и, такъ сказать, призвала къ будничному настроенію одна случайная встрѣча.

Однажды, когда мы по обыкновенію втроемъ брели по Невскому, не доходя немного пассажа, мы уже издали замѣтили, хорошо знакомую намъ, неладную, но зато крѣпко стаченную фигуру нашего университетскаго товарища К.—скаго.

Его нельзя было не замѣтить: одна нога у него была значительно короче другой, и онъ весь такъ колыхался на ходу, словно волной раскачивало пустую бочку. Лицо у него было четырехугольное, широкое, немного корявое; самъ онъ былъ „не изъ орловъ“, однако, „себѣ на умѣ“. „Настоящій мужланъ!“ —недолюбливалъ его Б—къ за грубость рѣчи и узкость понятій, а А—въ добродушно вносилъ поправку: „отличный будетъ семьянинъ и въ работѣ не выдастъ,—оброчный парень!“

Вотъ этого-то „оброчнаго парня“ несло теперь

волною прямо на насъ. Мы сразу обратили вниманіе на всѣ перемѣны въ немъ. Студентомъ, онъ жилъ большимъ бѣднякомъ, а теперь на немъ было и хорошее драповое пальто и ворсистой матеріи брюки и свѣжій котелокъ. Самъ онъ имѣлъ видъ сытый и довольный. Завидѣвъ насъ еще издали, онъ растянулъ свой нескладный ротъ въ такую добродушную, широкую улыбку, что мы сами поспѣшили къ нему навстрѣчу.

Начались разспросы. Онъ сразу намъ все выложилъ. Устроился онъ у родственника нотариуса за двѣсти рублей въ мѣсяцъ, но черезъ полгода станетъ получать триста и еще процентъ съ валоваго.

— А контора тутъ-же, на Невскомъ, въ двухъ шагахъ... Работаетъ шибко, здорово... братцы мои!—самодовольно смаковалъ онъ. — Мнѣ по моему убожеству (онъ весело хлопнулъ себя по ляжкѣ короткой ноги) хожденіемъ по судамъ заниматься не приходится, а тутъ самое разлюбезное дѣло—сиди сиднемъ и знай только обмозговывай... Мой-то принципальъ, что называется, ни уха, ни рыла въ своемъ дѣлѣ не смыслить; отставной морякъ,—такъ онъ за такого, какъ я, двумя руками, батенька, ухватился!

И „батенька“ и „братцы“ были его любимыми словами.

Тутъ-же мы узнали, что, за получаемое имъ теперь и впредь обѣщанное вознагражденіе, К—скій „высиживаетъ“ и „обмозговываетъ“ въ конторѣ нотариуса съ восьми часовъ утра до пяти часовъ дня. Сейчасъ идетъ въ „хорошемъ ресторанѣ“ пообѣдать, а потомъ опять долженъ „обмозговывать“ съ семи и до девяти вечера.

„И такъ всю жизнь!“

Сообразивъ и эту основную черту избранной имъ

дѣятельности, мы втроемъ невольно между собою переглянулись.

— Ну, а вы, батеньки мои?..—установился на насъ тѣмъ временемъ покровительственно, и даже какъ-будто полупрезрительно К—ій.—Все больше шляетесь, такъ мнѣ сказывали... Другіе за работой, а они шляются!

Слово „шляетесь“ онъ произнесъ съ такою мужиковатою сочностью, съ такою откровенною полнотою выраженія, что намъ невольно стало неловко какъ-бы за него, но въ дѣйствительности, кажется, за самихъ себя.

— Шляйтесь, ребята, шляйтесь, такъ всю жизнь и прошляетесь!—наставительно и протяжно прорицалъ К—ій, покуда мы, заспѣшивъ прощаться, поочередно пожимали его широкую квадратную ладонь.

Онъ обернулся и еще на ходу поглядѣлъ на насъ и даже покачалъ намъ вслѣдъ головою съ тѣмъ же выраженіемъ своего квадратнаго лица, съ какимъ только-что говорилъ намъ: „Шляйтесь, ребята, шляйтесь, такъ всю жизнь и прошляетесь!“

Не знаю, вышло-ли это у насъ случайно, или явилось безмолвнымъ послѣдствіемъ нашей встрѣчи съ К—мъ, но на другой день мы у Мильбрета съ Б—мъ разминулись, а А—въ и вовсе не заходилъ обѣдать. Наши встрѣчи вообще какъ-то разомъ оборвались и стали рѣдки и случайны.

Б—къ скоро заговорилъ о необходимости ѣхать въ Варшаву, попутно рѣшивъ погостить у матери въ Псковѣ. Въ концѣ той-же недѣли онъ навсегда покинулъ Петербургъ. А—въ получилъ извѣстіе, что обѣщанное ему мѣсто непременно очистится къ новому году.

Оставалось и мнѣ взяться за умъ.

По зрѣломъ размысленіи я рѣшилъ, что мнѣ не остается иного выбора, какъ адвокатура.